

УДК 82-31

МИФОЛОГЕМА СМЕРТИ / РОЖДЕНИЯ В РОМАНЕ Е. ВОДОЛАЗКИНА «ЛАВР»

© Наталья Махинина, Марина Сидорова

THE “DEATH/ BIRTH” MYTHOLOGEME IN E. VODOLAZKIN’S NOVEL “LAURUS”

Natalia Mahinina, Marina Sidorova

The article studies the “death / birth” mythologeme and the specific features of its actualization in the novel “Laurus” by E. Vodolazkin, a Russian writer, scholar and expert in ancient Russian literature. We have addressed this topic as the issue of time is closely related to one’s comprehension of death, which makes it the main topic in modern culture. The research task is to determine the essence of the writer’s thoughts. He refers to the materials of the Russian Middle Ages, which deal with death in terms of correlation of time and eternity, corporality and spirituality, general and personal issues. The study of the “Laurus” enables us to argue that the “death/birth” mythologeme is realized at several levels: the structural organization of the novel, the system of its characters and in the reference to the motifs of ancient and Evangelical myths about death and the resurrection of God. Our research has shown that the principles of cyclicity and the circle dominate the structural organization of the novel. Another side to the actualization of the “death/birth” mythologeme is the emphasis on the lack of clear boundaries between the world of the living and the dead. It is manifested in focusing on the bodily expression of death and resurrection typical of the medieval world. Healing, as the protagonist’s lifework, aiming to cure body, ultimately becomes a means for the salvation of soul. The research results demonstrate that the “death/birth” mythologeme is essential for the structure and meaning of the novel. Its function is to designate the author's thoughts, concerning the categories of time, history, and the meaning of things. The protagonist goes from the hypostasis of a cyclic change of death/birth, designating the flow of time, to the hypostasis associated with the possibility of overcoming time. This overcoming is connected with one’s move to God as an ultimate shift away from death to eternal life.

Keywords: E. Vodolazkin, mythology, death, birth, resurrection, Old Russian literature, Russian Middle Ages.

В статье исследуется специфика реализации мифологемы смерти / рождения в романе русского писателя, филолога, специалиста по древнерусской литературе Е. Водолазкина «Лавр». Обращение к данной теме определяется тем, что проблема существования времени, тесно связанная с осмыслением смерти, становится основной в современной культуре. Задачей исследования является определение сущности размышлений писателя, обращающегося к материалу русского Средневековья, о смерти в аспекте соотношения времени и вечности, телесности и духовности, общего и личного. Исследование романа «Лавр» дает основание утверждать, что мифологема смерти / рождения реализуется на нескольких уровнях: в структурной организации романа и в системе образов, в отсылке к мотивам античного и евангельского мифов о смерти и воскресении Бога. В результате выявлено, что в структурной организации романа доминируют принципы цикличности и круга. Другой стороной реализации мифологемы смерти / рождения становится акцентирование отсутствия четкой границы между миром живых и мертвых. Это проявляется в характерном для средневекового мира в целом сосредоточении на телесном выражении смерти и воскресения. Целительство как дело жизни героя, направленное на сохранение тела, становится в конечном счете средством для спасения души. Итогом исследования является утверждение мифологемы смерти / рождения как структуро- и смыслообразующей в романе. Ее функцией становится обозначение напряженных раздумий писателя о категориях времени и истории, о смысле сущего. Герой проходит путь от ипостаси, связанной с циклической сменой смерти / рождения как обозначения движения времени, к ипостаси, связанной с идеей возможности преодоления времени. Такое преодоление связано с движением к Богу как окончательным уходом от смерти в жизнь вечную.

Ключевые слова: Е. Водолазкин, мифологема, смерть, рождение, воскресение, древнерусская литература, русское Средневековье.

Роман «Лавр» современного писателя, филолога, специалиста по древнерусской литературе Е. Водолазкина повествует о жизненном пути русского средневекового целителя, обретающего на разных этапах жизни разные имена: Арсений – Устин – Амвросий – Лавр. Сама эпоха Средневековья с характерным для нее культом смерти, к которой обращается писатель, определяет не только ведущую роль темы смерти в романе, но и напряженное размышление о ней в аспекте проблем времени и вечности, телесности и духовности, общего и личного. Еще одной причиной такого сосредоточения на этой теме становится то, что Водолазкин пишет роман-житие, о чем сам говорит в отдельном интервью, посвященном «Лавру»: «Приступая к роману, я хотел рассказать о человеке, способном на жертву. <...> Я понимал, что, взятый с нынешней улицы, такой герой будет неубедителен, а то и попросту фальшив. И я обратился к древней форме – житию, предназначенному для такого рода повествования, только писал это житие современными литературными средствами» [Водолазкин, 2016, с. 332–333]. Житие же, как известно, является повествованием не столько о жизни святого, сколько о его пути к спасению. Таким образом, одной из главных проблем романа становится проблема смерти как возможности обретения жизни в ином ее качестве, что ведет к актуализации в нем мифологемы смерти / рождения. Для главного героя идея постижения смысла жизни через смерть связана с размышлениями о пути, о направлении движения. Выбор этого направления и определяет возможность рождения (спасения).

Композиция романа, включающая в себя четыре части: «Книга познания», «Книга отречения», «Книга пути», «Книга покоя», – тоже указывает на стремление Е. Водолазкина раскрыть этапы пути героя к спасению через глубокое покаяние и жертвенность.

В «Пролегоменах» к роману уже задается рассмотрение пути героя как реализации мифологемы смерти / рождения. С одной стороны, она связывается с делом его жизни, то есть исцелением как борьбой со смертью, с другой стороны, с мифологизацией его собственной смерти:

Говорили, что он обладал эликсиром бессмертия. Время от времени высказывается даже мысль, что даровавший исцеления не мог умереть, как все прочие [Водолазкин, 2015, с. 9].

В «Книге Познания» уже подчеркивается, что рождение и дальнейшая жизнь героя стали своего рода победой над смертью, так как все ос-

тальные дети в семье умирали. Однако условность этой победы проявляется в том, что на нем же собственно и прерывается история семьи: во время мора умирают его родители, а в последующем умирает и его собственный ребенок.

Жизнь мальчика с дедом Христофором близ кладбища, которое для него становится и местом для размышлений, и своеобразным познанием жизни, определяет его становление в постоянном присутствии смерти, придает ему вневременный мифологический характер. Мифологической аналогией жизни героя на данном этапе выступает и книга «Александрия», являющаяся излюбленным и постоянным чтением юного героя, в которой, как известно, акцентируется мысль о бренности человеческой жизни. Восприятие этой книги через сознание героя демонстрирует то, что путь Александра по чужим землям сопровождается смертью всего живого, встречающегося ему, а смерть самого Александра указывает на то, что все его подвиги, все победы, все доблести не в силах отвратить неминуемого и злого рока.

В структурной организации романа повторяемость ситуаций, событий ухода и возвращения героя собственно и демонстрируют постоянный переход от смерти к воскресению и обратно. Цепь смертей и воскресений прежде всего связана с образом самого Лавра. На этапе познания жизни в нем воскресает умерший дед, так как он перенимает эстафету целительства. Но главным делом его жизни становится то, что, отрекаясь от себя, он пытается реализовать несостоявшуюся жизнь Устины, своей невенчанной жены, умершей в родах по его вине. Это знаменуется и принятием имени Устин, под которым герой проходит часть своей жизни во второй книге – «Книге Отречения». Принятие имени со значением «справедливость» указывает на истинный смысл искупления героем греха – восстановление справедливости по отношению к погибшей возлюбленной, которая должна воскреснуть к жизни вечной.

Примечательно, что, в целом опираясь на христианский миф о воскресении Христа, Е. Водолазкин учитывает и его языческую прарасу, ориентируясь, например, на миф о Дионисе. Смерть Устины при родах становится отдаленным отголоском смерти Семелы, матери Диониса. Усмирение Дионисом животных, смягчение и исцеление им страданий тоже реализуется в судьбе главного героя. А образ растерзанного Диониса, который уже древнегреческими философами трактовался как мировая душа, разделенная на бесчисленное множество фрагментов мироздания и в то же время всегда единая, может

быть соотнесен с утратой главным героем ощущения единства своей жизни. В одном из диалогов со своим духовным наставником и одновременно вторым «я», отцом Иннокентием, в последней книге – «Книге Покоя» – герой с горечью утверждает:

Я был Арсением, Устином, Амвросием, а теперь вот стал Лавром. Жизнь моя прожита четырьмя непохожими друг на друга людьми, имеющими разные тела и разные имена. <...> Жизнь напоминает мозаику и распадается на части [Там же, с. 401].

И примечателен ответ Иннокентия:

Быть мозаикой – еще не значит рассыпаться на части, ответил старец Иннокентий. <...> Ты нарушил единство своей жизни, отказался от своего имени и от самой личности. Но и в мозаике жизни твоей есть то, что объединяет все отдельные ее части – это устремленность к Нему (Богу – *Н. М., М. С.*). В Нем они вновь соберутся [Там же, с. 401–402].

Описанием смерти какого-либо из героев (старец Никандр, юродивый Карп, друг Лавра Амброджо Флеккиа, сам Лавр) как его ухода в вечное время завершается каждая книга романа. Смерти старца Никандра и самого Лавра в первой и последней книгах – это естественные смерти-уходы. Они открыто связываются с мотивом рождения. Вот, например, как описывается смерть Никандра:

Через день после Рождества успе старец Никандр. По окончании Рождественской всенощной он сообщил братии, что собирается праздновать день своего рождения месяца декемврия в двадцать седьмой день. Дней рождения старец никогда не праздновал, и в урочное время заинтригованная братия собралась у его кельи.

День рождения для вечности, пояснил он с деревянной лежанки в углу. Руки его были сложены на груди [Там же, с. 114].

Смерть же Лавра ознаменована рождением ребенка, которого он благополучно принимает и умирает, держа его на руках. И это последнее его имя – Лавр – тоже «знаменует вечную жизнь», объединяющую все его ипостаси в устремленности к Богу.

Смерти юродивого Карпа и Амброджо Флеккиа в финалах второй и третьей книг являются насильственными, демонстрирующими несовершенство земного мира и человеческой природы. В данном случае, скорее, подчеркивается мученическая природа этих смертей. Карп чувствует ненависть калачника Самсона, но в очередной раз совершает то, что ему предначертано: хватает калач с его лотка. Мифологический план изо-

бражения этой смерти как воплощения цикличности жизни связан с образом калача, обозначающего плод земли, и значения имени Карп – «плод». Амброджо не отдает напавшим на караван разбойникам лампаду. Здесь мотив рождения реализуется скрыто, в имени Амвросий – «неумирающий», в появляющихся образах двух ангелов, один из которых в XX веке после реставрации устанавливается на колокольне Петропавловского собора, а другой возносит душу Амброджо к небу.

Другой стороной реализации мифологемы смерти / рождения становится акцентирование отсутствия четкой границы между миром живых и мертвых. Это проявляется в характерном для средневекового мира в целом сосредоточении на телесном выражении смерти и воскресения. В «Прологоменах» осмысливается именно эта идея:

Такое мнение основано на том, что тело его после смерти не имело следов тления. Лежа много дней под открытым небом, оно сохраняло свой прежний вид. А потом исчезло, будто его обладатель устал лежать. Встал и ушел. Думающие так забывают, однако, что от сотворения мира только два человека покинули землю телесно. На обличие Антихриста был взят Господом Енох, и в огненной колеснице вознесся на небо Илия. О русском враче предание не упоминает [Там же, с. 10].

С одной стороны, здесь ощущается мягкая авторская ирония над наивностью мифологического сознания, с другой стороны, присутствует стремление к свойственному уже XX веку расширенному представлению о мифологизме как форме упорядочения мира и человеческой жизни.

Христофор, обучающий Арсения целительству, подчеркивает красоту тела человека, при этом демонстрируя ее герою в процессе бальзамирования трупа. Во время этого разговора старец высказывает важную идею о необходимости воскресения не только духовного, но и телесного:

Тело наше в персть рыздется. Но Господь, создавший тело из персти, наша телеса разшедшася купно восставит. Ведь это, знаешь, только кажется, что тело разлагается без следа, что смешивается с другими элементами, становясь землей, рекой, травой. Наше тело, Арсение, как разлитая ртуть, которая лежит, распавшись на мелкие шарики, на земле, но с землей не смешивается. Она лежит себе до тех пор, пока не придет некий умелец и не соберет ее обратно в сосуд. Так и Всевышний вновь соберет наши разложившиеся тела для всеобщего воскресения [Там же, с. 37].

Такое представление о телесности, способствующей последующему воскресению, поддерживается стремлением Арсения не пустить умирающего деда в смерть, выражающимся в поддержке его собственным телом. Старец Никандр, убеждающий Арсения в необходимости смириться со смертью Христофора, ложится рядом с ним на лавку, что комментируется в романе следующим образом:

Временное омертвление Никандра было проявлением солидарности [Там же, с. 60].

Поэтому смерть, предваренная греховными деяниями, связывается в романе с наиболее отвратительными телесными проявлениями. Когда в доме Христофора появляется злодей, убивший старца Нектария, о нем говорится следующее:

То была смерть. Она распространяла запах немытого тела и ту нечеловеческую тяжесть, от которой в душе рождался ужас. Которую чувствовало все живое [Там же, с. 47].

И воссозданная в романе сцена смерти любимой Арсения Устины и их неродившегося ребенка тоже насыщена этими подробностями.

Дело исцеления Арсения как борьбы со смертью выражает себя прежде всего в очищении тела и передаче собственной телесной энергии больным; так происходит, когда он вылечивает княгиню и ее дочь в Белозерске:

Когда утром пришли к ним в комнату, Арсений сидел без движения на полу и держал ребенка за руку. Вошедшим показалось, что он мертв. Что мертвы и княгиня с дочерью. Но Арсений был жив. А княгиня с дочерью были хотя еще очень слабы, но – здоровы [Там же, с. 134].

В «Книге отречения» герой все больше отрешается от собственного тела: сначала чувствует его чужим после того, как надевает чужую одежду, затем в своем роде умерщвляет плоть (живет на улице, почти ничего не ест, претерпевает побои и увечья).

Категория жизни после смерти в романе связана с идеей божественной любви. Старец Никандр говорит герою, что на кладбище лежат живые люди именно потому, что их любит Бог. Этот же мотив звучит и в разговоре Христофора и Арсения о Елеазаре Ветроуде, когда первый говорит о памяти:

А Господь помнит с любовью, и в своей памяти не упустит никакой мелочи, и не нужно Ему его имени [Там же, с. 45].

В финале этого разговора подтверждением мысли становится травестированный момент обращения Арсения к Елеазару с просьбой откликнуться и обозначение его реакции:

Елеазар обиженно молчит [Там же, с. 45].

В дальнейшем повествовании герой находится в бесконечном диалоге не только с теми, кто окружает его в существующей реальности, но и с теми, кого нет на этом свете – дедом Христофором, Устиной, Амброджо. Автор не выделяет диалоги графически. Специфика и тех, и других диалогов в том, что они ведутся либо, если это живые люди, через посредников, так как на этапе отречения герой, взявший имя Устин, становится молчаливым, либо (с умершими) мысленно.

Особенно напряженными являются диалоги в «Книге пути» и «Книге покоя» со старцем Иннокентием – бестелесным существом, появляющимся рядом с Лавром, где бы он ни был, в самые сложные минуты его мучительных раздумий. В Иерусалиме в момент сомнений героя в верности выбранного им для спасения Устины пути Иннокентий обозначает необходимость сообразовать путь Лавра с путем Христа:

А разве Христос не общее направление, спросил старец. Какого же направления ты еще ищешь? <...> И не увлекайся горизонтальным движением паче меры. А чем увлекаться, спросил Арсений. Движением вертикальным, ответил старец и показал вверх [Там же, с. 363].

Именно так понимали движение человека во времени и пространстве в русском Средневековье. Путь по горизонтали означал всего лишь передвижение в пространстве, движение по вертикали вверх – путь духовного и нравственного совершенствования, позволяющий надеяться на спасение Богом.

Последнюю часть своего пути как пути по вертикали герой проходит под именем Амвросий. Это монашеское имя, напоминающее ему о незабвенном друге Амброджо, определяет новый смысл его существования через осмысление истории (которую так любил Амброджо) как цепи повторяющихся на новом, более высоком уровне событий. Иннокентий уподобляет движение времени спирали – как переживание нового, но с памятью о пережитом прежде. Он и высказывает самую важную для духовного перерождения Амвросия мысль:

Есть сходные события, продолжал старец, но из этого сходства рождается противоположность. Ветхий завет открывает Адам, а Новый завет открывает

Христос. Сладость яблока, съеденного Адамом, обрачивается горечью уксуса, испитого Христом. Древо познания приводит человечество к смерти, а крестное дерево дарует человечеству бессмертие. Помни, Амвросие, что повторения даны нам для преодоления времени и нашего спасения [Там же, с. 376–377].

Преодоление времени и становится для Амвросия победой над смертью. Окончательно оно преодолевается через истинное самопожертвование, когда Лавр подтверждает, что он отец ребенка обесчещенной мельником Анастасии. Значение имени героини (воскресшая) и рождение мальчика утверждают идею воскресения.

Еще одним знаком преодоления времени в романе становится то, что он подчинен структуре круга. Герой после странствий возвращается домой в Рукину слободку. Финальное событие встречи героя с Анастасией сюжетно повторяет его встречу с Устиной. Это проявляется и в необходимости скрывать ее присутствие, и в интересе к приношениям больных, связанном с желанием накормить доверившегося ему человека, и в публичной сцене позора и осуждения. Но сама сцена рождения ребенка здесь принципиально отличается от описания родов Устины. Они совершаются не в замкнутом пространстве дома, а в открытом, природном; летом, а не зимой. Герой проходит иные стадии отношения к родам. Если в отношении родов Устины он сначала демонстрирует гордыню в отказе от повитухи, а затем страх, то приближение родов Анастасии вызывает другую реакцию. Сначала панический страх и попытку позвать повитуху, а затем – ощущение спокойствия и уверенности в себе. Замыкает круг и присутствие Александрии, которую Лавр когда-то читал Устине, а теперь пересказывает

Анастасии. Через восприятие событий книги Анастасией герой окончательно понимает бесплодность горизонтального пути Александра и оправданность выбора собственного пути, устремленного вверх.

Таким образом, мифологема смерти / рождения реализуется в романе на уровне композиции, связанной с мотивами возвращения и круга, и в системе мифологических мотивов отсутствия границы между мертвым и живым мирами. Ее функцией становится обозначение напряженных раздумий писателя о категориях времени и истории, о смысле сущего. Герой проходит путь от ипостаси, связанной циклической сменой смерти / рождения как обозначения движения времени, к ипостаси, связанной с идеей возможности преодоления времени. Такое преодоление связано с движением к Богу как окончательным уходом от смерти в жизнь вечную.

Список литературы

Водолазкин Е. Дом и остров, или Инструмент языка. М.: Изд-во АСТ: Редакция Елены Шубиной, 2016. 384 с.

Водолазкин Е. Лавр. М.: Изд-во АСТ: Редакция Елены Шубиной, 2015. 440 с.

References

Vodolazkin, E. (2016). *Dom i ostrov, ili Instrument iazyka* [Home and Island, or a Language Tool]. 384 p. Moscow, Publishing house ACT: Publishing office of Elena Shubina. (In Russian)

Vodolazkin, E. (2015). *Lavr* [Laurus]. 440 p. Moscow, Publishing house ACT: Publishing office of Elena Shubina. (In Russian)

The article was submitted on 27.05.2017

Поступила в редакцию 27.05.2017

Махнина Наталья Георгиевна,
кандидат филологических наук,
доцент,
Казанский федеральный университет,
420008, Россия, Казань,
Кремлевская, 18.
mahinin@rambler.ru

Сидорова Марина Михайловна,
кандидат филологических наук,
доцент,
Казанский федеральный университет,
420008, Россия, Казань,
Кремлевская, 18.
msidorovam@mai.ru

Mahinina Natalia Georgievna,
Ph.D. in Philology,
Associate Professor,
Kazan Federal University,
18 Kremlyovskaya Str.,
Kazan, 420008, Russian Federation.
mahinin@rambler.ru

Sidorova Marina Mihajlovna,
Ph.D. in Philology,
Associate Professor,
Kazan Federal University,
18 Kremlyovskaya Str.,
Kazan, 420008, Russian Federation.
msidorovam@mai.ru